
ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Ж. Баранин

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Представленная статья посвящена анализу проблемы отношения гуманитарной интервенции к концепции государственного суверенитета и невмешательства других государств в его внутренние дела. Неоднозначность данной проблемы порождается сочетанием общепризнанного международно-правового принципа суверенитета и неприкосновенности верховной власти государства на его территории с растущим убеждением в том, что мировое сообщество не может оставаться равнодушным к гибели и массовым нарушениям прав людей в том или ином государстве.

Ключевые слова: гуманитарная интервенция, вмешательство во внутренние дела, права человека, воздержание от применения силы, международный мир и безопасность, государственный суверенитет, ответственность по защите.

Понятие государственного суверенитета является одним из ключевых в политической науке. Концепции территориальной исключительности и неприкосновенности верховной власти государства на его территории, как основные элементы концепции суверенитета, были фундаментом развития международного права и международных отношений прошлых столетий.

Но в последних десятилетиях XX и начале XXI в. резкое усиление глобализации мирового развития и взаимозависимости государств бросает серьезный вызов способности государства самостоятельно действовать в пределах его границ.

Часто внутривнутриполитические процессы и события, происходящие на территории одной страны, могут оказать негативное воздействие на развитие других стран и на международную жизнь в целом. Особенно опасные ситуации, такие как конфликты на межэтнической почве и массовые нарушения основных прав и свобод человека в той или иной стране, которые не оставляют равнодушными другие государства и международное сообщество, влекут за собой их реакцию и вмешательство.

Как одна из форм такого вида вмешательства в последние годы все чаще используется так называемая гуманитарная интервенция. Под гуманитарной интервенцией обычно подразумевается применение вооруженной силы одним государством или группой государств против другого государства, нацеленное на предотвращение или окончание широко распространенных и серьезных нарушений основных прав человека (граждан этой страны), без разрешения государства, против которого сила применяется.

Таким образом, подвергается сомнению традиционное первенство и исключительность государств в международной системе и движущийся акцент перемещается с безопасности государства к безопасности людей.

В данной работе мы попытаемся ответить, создал ли такой императив ситуацию, в которой государственный суверенитет разрушается или же по-прежнему остается сильным.

Гуманитарная интервенция является уже на протяжении многих лет объектом серьезных и противоречивых научных дебатов. Дебаты в первую очередь касаются легитимности подобных операций в рамках международного права. Важнейшей проблемой, с которой исследователи сталкиваются, оказывается коллизия между юридическим принципом суверенитета государства и моральным императивом защиты прав человека. Центральный вопрос легко сформулировать, но однозначно на него ответить весомо сложно: должно ли международное право допустить государствам путем военного вмешательства остановить тяжелые нарушения прав человека без разрешения Совета Безопасности ООН?

Многие западные ученые и государственные деятели оправдывают применение силы государством или группой государств в гуманных и справедливых целях, обычно ссылаясь на международное право или даже на Устав ООН. Так, известный американский эксперт Ноам Хомский подчеркивает, что Всемирная Декларация прав человека 1948 г. декларирует «признание неотъемлемого достоинства и равных и неотчуждаемых прав человека как основы для свободы, справедливости и мира во всем мире» и в тех случаях, когда СБ ООН не может реализовать свою цель — защиту прав человека, считает допустимыми гуманитарные интервенции без санкции СБ ООН [4. С. 130].

С точки зрения другой, более многочисленной группы стран, в которую входит и Россия, опора делается на нерушимость гарантированных Уставом ООН принципов, в частности, на исключительное право Совета Безопасности ООН по санкционированию принудительных мер, включая и военную силу. В том русле известный юрист международник Н.Л. Ушаков подчеркивает что претензии какого-либо отдельного государства или группы государств на то, чтобы силовым действием, путем «гуманитарной интервенции», с использованием или без использования вооруженной силы обеспечить должное уважение основных прав и свобод человека в другом государстве, не только противоправны, но и лицемерны, поскольку за ними, как правило, скрываются иные политико-идеологические цели государства-интервента, в частности поддержать или насадить тот или иной общественный или государственный строй, который угоден и выгоден правящим кругам государства-интервента [3. С. 90].

Таким образом, несмотря на все усилия исследователей, вопрос, в каких ситуациях и позволено ли вообще применять государством или группой государств вооруженную силу с целью вмешательства по причинам гуманитарного характера во внутренние дела и юрисдикцию другого государства, сознательно нарушая государственный суверенитет и политическую независимость с целью защиты гражданского населения этой страны, остается открытым.

Столкновение концепций государственного суверенитета и защиты прав человека породило некоторые противоречивые вопросы, требующие рассмотрения. Прежде всего, возникает вопрос, что важнее — сохранение международной стабильности и порядка или предотвращение страданий людей, находящихся под угрозой в зоне конфликта [18. Р. 154].

Дело в том, что в основе современного международного порядка заложены принципы суверенитета, невмешательства, воздержания от применения силы, мирного урегулирования международных споров, суверенного равенства государств.

С другой стороны, гуманитарная интервенция основывается на первичности прав человека по отношению к суверенитету и территориальной независимости и предусматривает, что нарушения прав человека не могут оставаться внутренним делом государства. Право на интервенцию и концепция государственного суверенитета неминуемо сталкиваются. По мнению британской исследовательницы Карин Фирк, вероятность коллизии между суверенитетом и правами человека сегодня весьма высока, поскольку международное сообщество готово принуждать к соблюдению прав человека, расплачиваясь за это нарушением равновесия, мира [13. Р. 66—67].

Государство издавна играло центральную роль в международном праве, и одним из следствий этого факта явилась концепция государственного суверенитета.

Идея суверенности впервые была предложена французским политическим мыслителем Жаном Боденом в качестве оправдания централизации власти в раздробленных феодализмом княжествах. Находясь под впечатлением религиозных и гражданских войн во Франции XVI в., Боден утверждал, что только авторитет центральной и неограниченной власти, обладающей верховенством по отношению к позитивному праву, может положить конец политическим беспорядкам. Суверенная власть такого авторитета идет от Бога — «это — закон Бога и природы, что мы должны повиноваться ему, кому Бог дал власть над нами» (См.: [8]).

Вскоре после этого, в 1651 г., вышла другая влиятельная книга, тщательно исследующая проблему суверенитета, известный «Левиафан» Томаса Гоббса (См.: [1]). Он избавился от Бога как от источника власти суверенов и вместо этого представил свою теорию общественного договора, посредством которого индивиды соглашаются передать в руки государства представительство в их правах в обмен на безопасность. Для установления верховной власти Гоббс считал необходимым, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые являлись бы их представителями и чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя верховной власти. При этом Гоббс полагал, что верховная власть должна принадлежать правителю и отказывался признавать какое-либо право народа.

Третья ключевая работа в классической философии суверенитета — «Общественный договор» Жан-Жак Руссо [2]. В отличие от Гоббса Руссо отождествляет суверенное государство с политикой от имени народа. Общественный договор Руссо опирался на свободное согласие всех людей, каждый человек добровольно

подчинялся общей и абсолютной воле народа, а государство, как воплощение общей воли, наделялось абсолютным и неограниченным суверенитетом.

К тому времени, когда книга Руссо была издана, Вестфальская система международных отношений уже находилась в стадии развития, устанавливая новую систему равных, суверенных государств Европы. Часто уподобляемый соглашению Гоббса каждого человека с каждым человеком, мир Вестфалии принес соглашение каждого государства с каждым государством на неприкосновенность верховной власти государства на его территории и их взаимное равенство [17. Р. 14].

Вестфальский мир 1648 г. был первым шагом к юридической институционализации суверенитета, и постепенно начиная с него суверенитет развился в центральную концепцию международных отношений, разработанную, чтобы гарантировать два ключевых момента — высшая власть государства на его территории и невмешательство других государств в его внутренние дела.

После окончания Второй мировой войны понятие суверенитета юридически закреплено как право государства осуществлять исключительные полномочия над определенной территорией [9. Р. 41].

Так, Устав Организации Объединенных Наций в его первой главе — «Цель и Принципы» — заявляет, что организация «основана на принципе суверенного равенства всех ее участников» (Статья 2 (1)). Далее утверждается, что настоящий Устав «ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства» (Статья 7 (1)).

В дополнение к этому Международный суд (установленный Уставом ООН) в одном из его первых отчетов предположил, что взаимное «уважение к территориальному суверенитету — ключевая опора международных отношений», и несколько десятилетий спустя повторил это утверждение, говоря, что «государственный суверенитет был основным принципом, на который опиралось все международное право».

Такое традиционное понимание суверенитета стало предметом пересмотра относительно недавно как результат нового понимания безопасности и угрозы в международном контексте. Энтузиазм по поводу необходимости защиты прав человека и ее интеграции в глобальную систему выдвинут на первый план тогдашним Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Бутросом Бутросом-Гали, который еще в 1992 г. сказал, что «время для абсолютного и исключительного суверенитета прошло, однако, его теория никогда не соответствовала действительности» [20. Р. 105]. В спорах, которые продолжаются по сей день, некоторые авторы утверждают, что эти изменения подорвали суверенитет как понятие, в то время как другие продолжают настаивать, что по сути ничего не изменилось. Мы рассмотрим коротко позиции обеих групп авторов.

В поддержку идеи, что государственный суверенитет по-прежнему остается сильным, Джек Доннелли пишет, что «международное сообщество остается в основном обществом суверенных государств, поскольку большая часть междуна-

родного права осуществляется и проводится в жизнь национально, а концепция прав человека была просто включена в установленную государственную систему международного права и политики, и несмотря на то что права человека бросили серьезный вызов суверенитету, понятие государственного суверенитета слишком хорошо защищено и охраняемо в пределах существующей международной системы» [10. Р. 1—28].

Некоторые авторы, ссылаясь на Устав ООН, приходят к выводу, что понятие государственного суверенитета лежит в основе общепринятого международного права и Устава ООН и что согласно Уставу ООН именно Глава VII была предназначена, чтобы увеличить суверенитет государств и защитить их от внешней агрессии и нежелательного вмешательства в их внутренние дела [6. Р. 2].

Другие авторы, ссылаясь на понятие международной ответственности государств, пишут, что основанное на согласии понятие юридического обязательства создает ситуацию с безвыходным положением, где государства могут считаться ответственными только перед теми законами, на которые они согласились [16. Р. 284].

Поэтому государства могут быть не единственными субъектами международного права, но все же они остаются главными акторами, принимающими решения, относительно каких законов они будут считаться ответственными и как они будут проводить в жизнь те законы [5. Р. 35].

На практике, с точки зрения этой группы авторов, это значит, что государства все еще обладают окончательной властью (суверенитет) в области права человека в пределах их юрисдикции, поскольку государства фактически определяют и разграничивают содержание прав человека, которые они обязываются защищать, таким образом «одомашнивая» их использование и подтверждая власть государства как источник этих прав [14. Р. 406].

С другой стороны, большинство авторов рассматривает внедрение и поощрение защиты универсальных прав человека международным сообществом как определенное ущемление традиционного суверенитета государства. Всеобщая декларация Прав человека 1948 г. была первым документом, который обрисовал в общих чертах обширный и подробный список прав человека и заявил, что действия стран и их законы должны отражать ясные и универсальные стандарты, изложенные в документе, эти стандарты должны поддержать все страны и ими должны обладать все люди.

Поэтому некоторые авторы и считают, что Всеобщая декларация прав человека никогда не предназначалась для того, чтобы быть дополнительным набором рекомендаций, но обязательной доктриной, которая бросила вызов самому поведению и власти государства в пределах собственных границ и достигла практически статуса обычного международного права [11]. Один из самых авторитетных авторов в области защиты прав человека и гуманитарного вмешательства Томас Вайс пишет, что когда определенное правительство не защищает права человека или даже сознательно нарушает основные свободы, создаются условия извне вмешать-

ся и применить силу, чтобы защитить основные права человека, несмотря на то что это может характеризоваться как «вне закона» по отношению к Уставу ООН.

Исходя из этого Вайс считает, что суверенитет не становится менее релевантным, а остается существенным принципом международных отношений. Однако это — «суверенитет людей, а не суверенитет суверена» [19].

Другой влиятельный автор, американец Стенли Хоффман, утверждает, что больше не является государством то, которое требует абсолютного суверенитета, и в этом случае международное сообщество может выполнить свою «обязанность» и защитить права их граждан, если данное государство не в состоянии этого сделать [12]. Далее Стэнли Хоффман пишет, что государство, которое требует уважения суверенитета, заслуживает уважения только пока защищает основные права своих граждан, поскольку именно их права являются источником его суверенитета, и если оно их нарушает, и его суверенитет исчезает.

Кроме того, и сама Международная комиссия по вмешательству и государственному суверенитету (ICISS) бросила вызов традиционному пониманию суверенитета, когда в 2005. г. разработала и предложила понятие «ответственность по защите». Понятие ответственности по защите включает в себя три столпа: 1) у государств есть основная ответственность защитить их граждан от преступлений против человечности, этнической чистки, геноцида и военных преступлений, 2) международное сообщество несет ответственность помощи государствам в выполнении их обязанности защитить граждан и 3) международное сообщество несет ответственность реагировать на нарушения прав человека, если государства неспособны или не желают выполнить свою ответственность, посредством политических или экономических санкций и использования силы, но как крайнее средство [7. Р. 143].

Таким образом, концепция ответственности по защите была установлена на основании идеи «суверенитета как ответственности», и с пересмотром суверенитета государство теряет свое право суверенитета, когда оно является неспособным или не желает защитить граждан, и ответственность по защите в этом случае переходит к международному сообществу [15. Р. 137].

Мы склоняемся к мнению, что суверенитет государств больше не является простым правом осуществить власть на определенной территории, как это считалось до совсем недавно.

Это право было пересмотрено и переформулировано как сложная обязанность осуществить власть в приемлемой манере, поскольку основной целью национального государства в конечном итоге является защита материальных и нематериальных ценностей своих граждан. Защита государства оправдана защитой людей. Защита государства как такового возможна только за счет прав и интересов отдельных граждан.

Мы хотим подчеркнуть, что международное право постепенно эволюционировало от концепции, ориентированной на государство, к концепциям, где акцент перенесен на безопасность людей, а государство рассматривается больше как гарант прав отдельных людей, которые являются субъектами его суверенитета.

Кроме того, компетенции государства как международного юридического лица больше не являются неограниченными. Сокращение компетенции государства происходит чаще всего в результате добровольных ограничений, посредством отказа государств от своих суверенных прав в пользу различных международных структур, уполномоченных действовать от имени их членов. Создание Европейского Союза является убедительным примером такой добровольной передачи суверенных прав.

С другой стороны, постоянно растет осознание общих интересов международного сообщества в областях прав человека, окружающей среды, экономической взаимозависимости и т.д.

В этих областях корни общих интересов выходят за пределы интересов отдельного государства и заложены не в государстве, а именно в отдельной личности.

Это содействует постепенной консолидации нормативов в области защиты этих интересов, нарушение которых является исключительно серьезным вопросом, так как они отражают общий интерес международного сообщества.

В данной работе нашей целью было подчеркнуть, что зарождающиеся коллективные интересы международного сообщества, с одной стороны, дают плодородную почву для развития защиты прав человека, ради которых и предпринимаются акции под названием «гуманитарные интервенции», а, с другой стороны, серьезно ущемляют и ограничивают суверенитет отдельного государства в его традиционном понимании, как невмешательство одного государства в дела другого.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гоббс Т.* Сочинения. В 2 т. — М., 1991.
- [2] *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. — М., 1998.
- [3] *Ушаков Н.Л.* Правовое регулирование использования силы в международных отношениях. — М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997.
- [4] *Хомский Н.* Новый военный гуманизм: уроки Косова. — М., 2002.
- [5] *Alvarez J.* State Sovereignty is Not Withering Away: A Few Lessons for the Future // *Realizing Utopia: The Future of International Law.* — Oxford University Press, 2012.
- [6] *Ayoob M.* Humanitarian Intervention and International Society // *Global Governance.* — 2001. — № 7(3).
- [7] *Bellamy A.J.* The Responsibility to Protect — Five Years On // *Ethics & International Affairs.* — 24.02.2010.
- [8] *Bodin J., Franklin J.* (ed.) *On Sovereignty: Four Chapters from the Six Books of The Commonwealth.* — Cambridge University Press, 1992.
- [9] *Butler M.J.* *International Conflict Management: An Introduction.* — Taylor&Francis, 2009.
- [10] *Donnelly J.* *State Sovereignty and Human Rights. Human Rights and Human Welfare.* — Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [11] *Hehir A.* *Humanitarian Intervention after Kosovo: Iraq, Darfur and the Record of Global Civil Society.* — Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- [12] *Hoffmann S.* *The Politics and Ethics of Military Intervention // Survival.* — 1997. — 4(37).
- [13] *Fierke K.M.* *Diplomatic Interventions. Conflict and Change in a Globalizing World.* — New York, Palgrave Macmillan, 2005.

- [14] *Koskenniemi M.* The Future of Statehood // Harvard International Law Journal. — 1991. — 32 (2).
- [15] *Ramesh T.* The Responsibility to Protect: Norms, Laws and the Use of Force in International Politics. — New York: Routledge, 2011.
- [16] *Reus-Smit C.* International Law // Baylis J., Smith S., Owens P. (Eds.). Globalization of World Politics: Introduction to international relations. — Oxford: Oxford University Press, 2011.
- [17] *Shinoda H.* Re-examining Sovereignty: from Classical Theory to the Global Age. — Palgrave Macmillan, 2000.
- [18] *Terry F.* Condemned to Repeat: The Paradox of Humanitarian Action. — Ithaca (NY): Cornell University Press, 2002.
- [19] *Weiss T.* Humanitarian Intervention: Ideas in Action. — Cambridge Polity Press, 2007.
- [20] *Weiss T.* Thinking about Global Governance: Why People and Ideas Matter. — Oxon: Routledge, 2011.

REFERENCES

- [1] *Gobbs T.* Soch. V 2 t. — M., 1991.
- [2] *Russo Zh.Zh.* Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty. — M., 1998.
- [3] *Ushakov N.L.* Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya sily v mezhdunarodnyh otnoshenijah. — M.: Institut gosudarstva i prava Rossijskoj Akademii nauk, 1997.
- [4] *Homskij N.* Novyj voennyj gumanizm: Uroki Kosova. — M., 2002.
- [5] *Alvarez J.* State Sovereignty is Not Withering Away: A Few Lessons for the Future // Realizing Utopia: The Future of International Law. — Oxford University Press, 2012.
- [6] *Ayoob M.* Humanitarian Intervention and International Society // Global Governance. — 2001. — № 7(3).
- [7] *Bellamy A.J.* The Responsibility to Protect — Five Years On // Ethics & International Affairs. — 24.2.2010.
- [8] *Bodin J., Franklin J.* (ed.) On Sovereignty: Four Chapters from the Six Books of The Commonwealth. — Cambridge University Press, 1992.
- [9] *Butler M.J.* International Conflict Management: An Introduction». — Taylor&Francis, 2009.
- [10] *Donnelly J.* State Sovereignty and Human Rights. Human Rights and Human Welfare. — Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [11] *Hehir A.* Humanitarian Intervention after Kosovo: Iraq, Darfur and the Record of Global Civil Society. — Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- [12] *Hoffmann S.* The Politics and Ethics of Military Intervention // Survival. — 1997. — 4(37).
- [13] *Fierke K.M.* Diplomatic Interventions. Conflict and Change in a Globalizing World. — New York, Palgrave Macmillan, 2005.
- [14] *Koskenniemi M.* The Future of Statehood // Harvard International Law Journal. — 1991. — 32 (2).
- [15] *Ramesh T.* The Responsibility to Protect: Norms, Laws and the Use of Force in International Politics. — New York: Routledge, 2011.
- [16] *Reus-Smit C.* International Law // Baylis J., Smith S., Owens P. (Eds.). Globalization of World Politics: Introduction to international relations. — Oxford: Oxford University Press, 2011.
- [17] *Shinoda H.* Re-examining Sovereignty: from Classical Theory to the Global Age. — Palgrave Macmillan, 2000.
- [18] *Terry F.* Condemned to Repeat: The Paradox of Humanitarian Action. — Ithaca (NY), Cornell University Press, 2002.
- [19] *Weiss T.* Humanitarian Intervention: Ideas in Action. — Cambridge Polity Press, 2007.
- [20] *Weiss T.* Thinking about Global Governance: Why People and Ideas Matter. — Oxon: Routledge, 2011.

HUMANITARIAN INTERVENTION AND THE NEW DIMENSIONS OF THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY

J. Baranin

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The presented article is devoted to the analysis of the relation of humanitarian intervention to the concept of state sovereignty and non-interference of other states in its internal affairs. Ambiguity of this problem is generated by a combination of the conventional international legal principle of the sovereignty and inviolability of the supreme power of the state in its territory with growing belief that the world community cannot remain indifferent to death and mass violations of the human rights in this or that state.

Key words: humanitarian intervention, intervention in internal affairs, human rights, abstention from use of force, international peace and security, the state sovereignty, responsibility to protect.